А. П. Мальцев, 1961 г.

Я познакомился с Мальцевым в середине нулевых годов. Помню, первая наша встреча произошла ясным летним днём в доме моего друга Андрея Чернова, которого Анатолий Петрович зашёл проведать. Не знаю, что ему рассказывал обо мне Андрей, но он ожидал увидеть на моём месте человека совершенно иной внешности. Я же увидел немолодого седовласого мужчину, немного похожего на французского актёра Пьера Ришара. Встреча была для меня совершенно случайной, и к новому знакомому я отнёсся сначала с определённой настороженностью, которая, впрочем, вскоре растворилась в процессе общения. Анатолий Петрович любил шутить, причём шутить по-доброму, чем в значительной мере располагал к себе. Запомнился мне он тогда как весёлый и внимательный собеседник, хотя разговаривали мы недолго.

Во второй раз мы встретились в Богемном Трюме – так называл Андрей дом Мальцева, превращённый в музей Сергея Есенина и место встреч творческих людей. Там, посреди ценнейших экспонатов, связанных с жизнью и смертью великого поэта, я, подобно многим другим, ощущал себя в царстве замершей истории. Куда ни взгляни, до чего ни дотронь-

ся – всюду её отпечатки. Почти каждый предмет, от кресла до пепельницы, имел некое значение, из-за чего поначалу чувствовалась неловкость, я попросту не знал, чего можно касаться, чего нет. А вдруг случайно оброню, сломаю? Однако, весь дискомфорт быстро улетучивался, едва Анатолий Петрович начинал шутить. Он с удовольствием шокировал произведениями искусства – стихами, картинами – и наблюдал за нашей реакцией. Мы читали стихи, беседовали о поэзии и поэтах, изредка переключаясь на исторические темы. Особенно запомнилось мне, как Анатолий Петрович декламировал «Девушку и Смерть» Максима Горького. Голос у него был отличный, и читал он превосходно, словно профессиональный декламатор.

Гостей собралось человек семь, и каждый, впервые посетивший дом-музей, перед уходом оставлял в специальной тетради по просьбе Мальцева отзыв о хозяине и минувшем вечере.

С тех пор я виделся с Анатолием Петровичем довольно часто. Примерно раз в неделю – две у него дома проходили собрания, куда приглашались как молодёжь, так и известные в Луганске деятели культуры. Мальцев был рад всем.

Кроме людей творческих, к нему приходили также соседи и родственники, далёкие от литературы, однако, нуждающиеся в беседах с ним. Со всеми он был одинаково учтив. Порой развлекал нас рассказами о забавных случаях, произошедших с ним. В молодости Анатолий Петрович работал учителем в школе, поэтому, бывало, к нему наведывались и бывшие ученики. Сколько помню, до войны 2014-го года редко его можно было застать одного. Будучи

А. П. Мальцев вместе с женой Марией. 1970-е гг.

весьма общительным и харизматичным человеком, он притягивал к себе самых разных людей, точно магнит. И сам являлся весьма многогранным: есениновед, поэт, художник, в определённой степени критик, математик, и просто хороший человек, никогда не отказывавший в помощи не только друзьям, но и знакомым. Добрый, скромный в быту, надёжный – таким запомнился мне Мальцев.

Война ударила по всем нам, жителям Луганска, а по пожилым особенно сильно. Здоровье стало подводить чаще, жизнерадостность уступила место мрачным предчувствиям. И всё же, Анатолий Петрович поддерживал посещавших его товарищей хотя бы поднятием настроения – подбадривал, шутил. Вместе с тем, он впал в глубочайший творческий кризис. Стихи писал крайне редко, перестал рисовать. Он продолжал принимать гостей, но таких больших собраний, как раньше, уже не было. Обычно мы навещали его компаниями по два – три человека. Принимать нас, по словам Анатолия Петровича, ему нравилось, вот только с каждым разом становилось всё тяжелее вследствие пошатнувшегося здоровья. Тяжёлым ударом стала для него смерть сестры. Он постепенно замыкался в себе, несмотря на продолжительные беседы с нами, затухал на глазах. Обострялись хронические болезни. На предложения обследоваться в больнице Анатолий Петрович отвечал категорическим отказом. Помощь вообще принимал очень неохотно, даже, казалось бы, самую незначительную. До определённого момента он насмехался над своими болячками, а они подтачивали его вместе с мрачными мыслями. Не раз говорил о том, что жизнь его подходит к концу, и будто пытался ускорить наступление финала, отказываясь есть. Медленно, неотвратимо он уходил от нас, а мы, завсегдатаи Богемного Трюма, считавшие Мальцева нашим духовным, культурным наставником, не могли ничего поделать. Любая попытка помочь ему с лечением пресекалась, более того, грозила вылиться в ссору.

В последний раз я видел Мальцева, когда заглянул к нему домой проверить, каких лекарств ему не хватает. С ним тогда был его друг, бывший одноклассник Валерий Фёдорович Кук. Здоровье Анатолия Петровича ухудшилось, он не мог подняться с кровати. Встреча выдалась короткой, мы и не

поговорили толком. И всё же, голос его показался мне довольно бодрым. Я надеялся обстоятельно пообщаться с ним на следующей неделе.

Спустя всего несколько дней его не стало.

С уходом Анатолия Петровича луганская литература понесла невосполнимую потерю. Осиротели мы, молодые поэты и писатели, выросшие культурно и личностно в атмосфере Богемного Трюма. Анатолий Петрович Мальцев был мудрым учителем как в литературе, так и в повседневной жизни. Всегда готов был выслушать нас, поддержать, дать дельный совет. С ним ушёл в прошлое важный пласт культуры нашего города. Но наследие его будет жить в нас, его учениках, и в литературе Луганска.